

АНДРЕЙ ОРЛОВ
РЕАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ
О СИЛЬНЫХ ЛЮДЯХ

НЕМЦОВАЯ **ВОЛНА**

Андрей Юрьевич Орлов

Неистовая волна

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6353623

Орлов А. Ю. Неистовая волна : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-68090-0

Аннотация

В основу романа положены трагические события июля 2012 года в районе города Крымск, когда в результате катастрофического наводнения уровень воды поднялся, по отдельным свидетельствам, до 4 или даже 7 метров. Народный герой, подполковник полиции Вячеслав Горбунов, погибший при спасении детей, стал прототипом центрального персонажа романа. Хронология событий в романе соблюдена до мелочей. На город обрушивается страшный ливень. Река, протекающая через город, выходит из берегов. Часть города затоплена. Городские власти бросают жителей на произвол судьбы, силы МЧС не успевают среагировать. Трое полицейских, рискуя жизнью, начинают спасать терпящих бедствие жителей, проявляя образцы героизма и самопожертвования... Этот напряженный триллер просто переполнен бьющими через край эмоциями.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Андрей Орлов

Неистовая волна

Глава первая

Пятница, 6 июля 2012 года

Ливень за окном усилился. Ветер менял направление – капли дождя замолотили по стеклу, покрывая его глянцевой пленкой. Подполковник Вячеслав Горбатов – руководитель Таманского следственного отдела – покосился на окно. Возникало опасение, что стекло не выдержит, брызнет во все стороны и осатаневшая стихия радостно войдет в кабинет. Бесконечные дожди смертельно надоели, мешали работать и отдыхать, служили источником постоянного напряжения, переходящего в депрессию. Он раздраженно захлопнул папку с уголовным делом, отбросил – пусть дальше лежит и возбуждается. Не может не возбудиться – если люди гибнут за метил в «промышленных» масштабах и известно происхождение заразы, до суда оно дойдет с гарантией, и все отличившиеся благополучно сядут. Он покосился на часы – семь вечера, сотрудники с нормированным рабочим днем давно разошлись. Только он высиживает непонятно что.

Окно кабинета превращалось в непроницаемый водный экран. Во втором пока сохранялся обзор – кабинет началь-

ника следственного отдела располагался в угловой части здания. Подполковнику Горбатову недавно исполнилось сорок три. Высокий мужчина, без излишка жировых складок, коротко стриженный, с ухоженным лицом и необычно светлыми блестящими глазами. В следственном отделе он работал полгода – до перевода несколько лет возглавлял районный спецприемник для административно задержанных лиц. Биография сложная – профессиональный военный, год в Чечне, пять лет в структурах МЧС на «расстрельных» должностях. В 35 лет Горбатов круто поменял жизнь, окончив Краснодарский университет МВД и переехав с семьей в маленький городок на Кубани. Стопка грамот, семнадцать поощрений, медаль «За отличие в службе III степени», нагрудный знак «Участник боевых действий», «За службу России», «Лучший следователь 2012 года». Никогда он не хвастался своими наградами, держал подальше под замком, просто коллекционировал...

Дождь хлестал сплошной стеной. Раскисала земля, потоки воды неслись по асфальту. Возникало опасение, что в скором будущем добротное здание Управления МВД по Таманскому району отправится в свободное плавание. Он встал из-за стола и подошел к окну. Опасение усилилось. Центральную площадь кубанского городка с населением 60 тысяч накрыло беспросветное ненастье. Здание городской администрации, расположенное напротив, практически терялось за стеной дождя. Смутно проявлялись двухэтажный торговый центр,

примыкающий к управлению, и кинотеатр «Россия». Перемещались по кольцу на площади нечитаемые пятна – предположительно автомобили... Ливневая канализация давно перестала справляться, бурные потоки неслись по асфальту и бетону. Иногда на площади появлялись люди. Согнутые фигурки совершали короткие перебежки – от укрытия к укрытию. Смельчак в дождевике пробежал по дорожке между раскисшими клумбами, растворился в мареве. Наивный гражданин решил проделать то же самое с зонтом. Типичная ошибка. Гражданина закрутило, вырвало зонт, он бросился его ловить... Горбатов поморщился. Сильные дожди в регионе начались 4 июля. Хлестало как из ведра – без пауз и передышек. Зарождались небольшие смерчи – впрочем, без последствий и разрушений. Защищенный горными перевалами от холодных ветров, Таманск располагался в зоне субтропического климата, близкого к средиземноморскому. Зимы здесь были мягкие, лето преимущественно солнечное. Большую часть года погода радовала. Дожди, конечно, случались, даже сильные (до сих пор люди с трепетом вспоминают наводнение десятилетней давности), но чтобы хлестало три дня без перерыва... Предупреждения о сильных осадках и возможном подтоплении регулярно публиковались Краснодарским МЧС. Стихия буйствовала по всей Кубани, в Новороссийске, Геленджике. Переполнились реки, вода потоками стекала с гор. Но до крайностей пока не доходило, местное МЧС помалкивало – возможно, реальной

угрозы действительно не существовало. До реки Аргадум от центра Таманска, расположенного в левобережье, было не меньше трех километров. Вытекая из Бержанского водохранилища, питающего пресной водой Новороссийск, река Бержанка петляла между гор, сливалась с Кабангой и превращалась в полноводный Аргадум. От места слияния он тек на северо-восток через автомобильный мост на трассе А-146, железнодорожный виадук и разрезал Таманск на две неравные части: большую левобережную, в которой находился городской центр, и малую на правом берегу, застроенную преимущественно частными домами. Уровень реки, если верить последним сводкам, немного поднялся, но в этом явлении не было ничего катастрофического...

Завибрировал мобильник на столе. Он отошел от окна, отозвался на вызов. Звонила супруга Настя. Он невольно заулыбался – самое время объявлять поисковую операцию.

– Мой звонок очень важен для вас, – вкрадчиво сообщила жена. – Только не спорь. Ты не должен быть дома, дорогой?

– Скоро буду, Настенька, – отозвался Горбатов. – Почти выхожу. Через двадцать минут жди.

– Значит, через сорок, – вздохнула Настя. – Или через час. Но не позднее, чем через два. Ладно, я привыкла. В сравнении с всепожирающей вечностью это просто миг. Надеюсь, ты не на улице? – в мелодичном голоске послышалось беспокойство.

– Я в кабинете, – отозвался Горбатов. – Машина в подзем-

ном гараже, приеду сухим. В выходные – никуда.

– Невероятно, – восхитилась Настя. – Слабо верится, но звучит как песня. Приезжай скорее, дорогой, – она сменила тон на просительный, – я не трусиха, но здесь очень страшно. Вода стоит на пороге, гром грохочет, из окна ничего не видно...

– Дети дома? – насторожился Горбатов.

– Дети дома, – ворковала Настя. – Все сидят и ждут, когда же ворвется их приветливый полицейский. Их мама уже приняла душ, приготовила ужин, делает косметический ремонт своей стареющей физиономии. Ты уверен, что ничего в природе не стрясется? – она опять забеспокоилась. – Краевое МЧС уже устало рассылать экстренные предупреждения о возможных подтоплениях территорий... Я разговаривала с девушкой Олежки Соболевского – нашего соседа-гаишника, у нее, якобы, имеется информированный источник. Девушка волнуется – впрочем, источник своей информации она раскрыть не пожелала...

– Во-первых, – строго сказал Горбатов, – краевое МЧС, как всегда, перестраховывается. Лучше перебдеть, чем недобдеть. Районное управление ничего такого не публиковало. Небольшой дождик, ерунда, покапает, и на выходных снова будет солнышко. Во-вторых, подружка Олежки Соболевского – неуравновешенная особа, способная накрутить себя и окружающих на ровном месте. Я бы не советовал Олежке на ней жениться. На работе проблем мало? В-тре-

тых, если даже что-то случится, в проблемной зоне окажутся прибрежные районы, до центра не дойдет. А до нас – тем более.

Горбатов не лукавил. Он жил с семьей на улице Прохладной, в северной части Таманска. Район стоял на возвышении (в этом месте полтора столетия назад был черкесский аул Кабыр-хабль), и трудно представить, до какой степени должна разгуляться стихия, чтобы туда добраться.

– Убедил, – хмыкнула жена. – И все же поспеши, дорогой, нам действительно не по себе. Мы мечтаем о крепком мужском плече. Все, пока, не буду тебе мешать собираться домой. – Настя хихикнула и отключилась.

Пора, решил Горбатов, навел тремя движениями порядок на столе, забрал сумку и покинул кабинет. Он спустился в фойе, задержался у стойки дежурного. Худощавый капитан Весенин меланхолично смотрел в окно, за которым бесилась непогода. На подоконнике пристроился помощник лейтенант Поморцев, курил с тоскливой миной. Он выглядел каким-то неопрятным. Вроде по форме одет, всё на месте, а все равно неопрятный.

– Форточку открой, – поморщился некурящий Горбатов.

– Издеваетесь, товарищ подполковник? – Поморцев чуть не подпрыгнул. – Нельзя пускать зверя в дом, – он тяжело вздохнул и затушил окурки.

– Добрый вечер, Вячеслав Иванович, – поприветствовал подполковника дежурный Весенин. – Вы еще не дома?

– Еду, капитан. Новости есть?

– Да какие тут новости, – отмахнулся Поморцев. – Ночь на Ивана Купалу близится –купаемся по ходу... Видите, что природа отмочила? Такое кино в окне...

– От создателей всемирного потопа, – усмехнулся Весенин. – Новости только про погоду, товарищ подполковник. Из МЧС сообщают: станица Бержанская затоплена, Нижнекабангинская тоже затоплена. В обоих населенных пунктах отключены электричество, газ, вода...

– Воды им, конечно, мало, – проворчал Поморцев. – Уж этого-то добра с неба валится...

Горбатов нахмурился. Станица Бержанская располагалась на Бержанке в пяти верстах от места превращения двух рек в Аргадум. Нижнекабангинская, соответственно, на Кабанге, чуть выше по течению.

– Сильно затопило?

– Говорят, что по колено, – пожал плечами Весенин. – Жить можно. Уровень воды поднялся в горных реках, вода продолжает прибывать. А там еще сели, грязевые потоки, ручьи – все сливается в одну реку и топит станицы. Режим ЧС там пока не вводили, надеются, что обойдется. А вот в Новороссийске уже ввели. Примерно час назад. Осадков в городе за сутки выпало 54 миллиметра – месячная норма. У нас в городе 50 миллиметров – если верить Таманскому гидропосту. Видать, не критично, раз не спешат вводить ЧС. Им виднее. Может, и прорвемся, Вячеслав Иванович?

– Интересно, система оповещения МЧС работает? – пробормотал Горбатов.

– А хрен ее знает, товарищ подполковник, – простодушно развел руками Поморцев.

Заскрипела входная дверь. «Предбанник» управления наполнился топотом, и в фойе трое мокрых патрульных втокнули тщедушного заморыша в жилетку на голое тело. Заморыш вертелся, гримасничал, визжал, как компьютер, обнаруживший вирус. Руки у него были скованы за спиной наручниками, на лысеющей башке красовалась шишка. Все происходящее ему решительно не нравилось, он кипел от возмущения и картинного отчаяния. Четвертым вошел полицейский в офицерском звании – лейтенант Шишкарь, заместитель начальника отдела патрульно-постовой службы.

– Суки, менты позорные, я, в натуре, не в теме... – ныл задержанный и замолчал, узрев перед собой сразу трех обладателей офицерских погон.

– И так – всю дорогу, – хмыкнул Шишкарь, отдавая честь Горбатову. – Здравия желаем, товарищ подполковник. Смотрите, какого красавца добыли.

– Шишка – ваша работа? – нахмурился Горбатов. Он не был ангелом с крыльями, но не являлся любителем применения силы к задержанным.

– О твердь небесную ударился, – пояснил сержант, держащий задержанного слева. – Хорошо хоть бушприт не подставил...

– Расшаркиваться с ним, товарищ подполковник? – сказал сержант, держащий справа. – Знаете, какой прыгучий? Человеческих слов не понимает, плюется, кусается. Мы ему для профилактики немного нашеячили – ну так, в воспитательных целях.

Задержанный соорудил такую страдальческую мину, что Горбатов насилу подавил улыбку. Порой главное в работе – вовремя сделать серьезное лицо и не заржать.

– А вы его тоже покусайте, Шишкарь, – посоветовал дежурный Весенин. – Глядишь, и он станет оборотнем в погонах.

Все присутствующие рассмеялись. Только задержанный сникал все больше, глаза его затравленно блуждали.

– Вы должны его помнить, товарищ подполковник, – сказал Шишкарь, вытирая платком мокрое лицо. – Некто Швондер, мелкий воришка, четыре судимости. В миру Огайло Терентий... не помню, как там его по батюшке. Не надоело жиганить, Швондер? – он стукнул воришку по макушке и смутился. – Виноват, товарищ подполковник. Этот уважаемый и всячески приличный гражданин задумал обнести дом по адресу Олега Кошевого, 14. На их жаргоне – «Добрый вечер в нашей хате». Время, кстати, подходящее – дождь стеной, ни черта не видно, улицы пустые. Он думал, что все уехали на выходные. Возможно, следил за домом – семья действительно уехала. Но в доме осталась дряхлая старушка – бабушка главного квартиросъемщика. У старушки своя камор-

ка наверху, слышала, как этот гад внизу шурует, спряталась в кладовку и позвонила по мобильнику. Молодец бабуся – знает, что такое мобильник. И говорить пока умеет...

– Не верю, – удивился Горбатов. – Вы перебороли свою лень и поехали по такой погоде на вызов?

– Ну так вышло, – смутился Шишкарь, а капитан Весенин и лейтенант Поморцев злорадно захихикали. – Парни были в тех краях, заехали подкрепиться в местную «тошниловку»...

– Старушку привезли? – перебил Горбатов.

– Шутите, товарищ подполковник? – смутился сержант. – Мы же не фашисты транспортировать этого одуванчика в такую погоду. Она же до машины не дойдет. Пусть ночку посидит, а завтра доставим, все оформим...

– Не виноватый я! – завизжал Швондер. – Дело шьете, падлы!

– От фонаря заправляет, блатарь недоделанный, – ухмыльнулся сержант.

– Это точно он? – нахмурился Горбатов.

– Мы работаем над этим, товарищ подполковник, – ухмыльнулся Шишкарь. – Да он, кто еще, на месте преступления взяли, шкатулку с семейными реликвиями в спальне вскрывал, когда наши парни ворвались. Стал орать, что, мол, не при делах, от дождя решил спрятаться. А дверь, между прочим, «абакумычем» открыл – то есть целенаправленно шел на дело.

– А ты докажи, ментяра! – взвился на дыбы Швондер, за

что и заработал заслуженную затрещину.

– Эх, Швондер, Швондер, – покачал головой Горбатов. – Как был ты гадким сперматозоидом, так и остался. Ладно, парни, оформляйте это чудо в местный изолятор, завтра разберемся. Для тебя же не проблема, Швондер, проснуться утром в камере, нет? – он насмешливо покосился на воришку. – А людям в городе спокойнее будет.

– Завтра выходной, – напомнил Весенин.

– А в изоляторе мест нет, – как бы между прочим заметил Поморцев.

– Почему нет? – не понял Горбатов. – Вы что там, камеры бомжам в аренду сдаете?

– Ремонт затеяли, товарищ подполковник, – отчитался Поморцев. – Чтобы преступникам комфортнее жилось. Половину помещений невозможно использовать по назначению.

– Ладно, не приукрашивай, – буркнул Весенин. – Девятая точно пустая. Вчера страдальца выпустили – безвинно отсидел трое суток по навету ревливой жены.

– Вот туда его и замуруйте, – кивнул Горбатов. – Пусть отдохнет перед отпуском на пляжи Воркуты.

Офицеры насмешливо смотрели, как упирающегося воришку волокут к подвалу. Замешкался один из сержантов, и подпрыгнувший Швондер приземлился ему на ступню. Служивый стерпел – материться и распускать руки в присутствии офицеров, глядящих в спину, не стал.

– Чего ржете? – покосился на коллег Горбатов. – Цыгане украдут.

Зазвонил стационарный телефон, Весенин схватил трубку. Пробурчал дежурную фразу, стал слушать.

– Ну что еще? – проворчал Горбатов, когда тот с озадаченной физиономией положил трубку. Права супруга Настя – если решил уйти с работы, то беги без остановок.

– Тут такое дело, товарищ подполковник... – откашлялся дежурный и виновато глянул на Горбатова. – В общем, сейчас еще троих привезут... Из станицы Троицкой. У них изолятор переполнен.

– А у нас нет? – не понял Поморцев.

– У нас имеется еще один ИВС, – резонно возразил Весенин. – На Луначарского. Туда еще сажать и сажать. Публика серьезная, товарищ подполковник. Бывалые кадры, у каждого по меньшей мере три ходки. Дело громкое, арестованы за двойное убийство – предпринимательницы и ее дочери. Обоих изнасиловали, пытали, вынесли деньги, золото, банковские карты. На карте и погорели – когда пытались снять с нее денежные средства. Народ опасный, злой, им терять нечего... Подвезут в закрытой будке к управлению.

– Когда? – раздраженно выдохнул Горбатов.

– Да бес их знает, – пожал плечами дежурный. – Пока проврутся по ближнему бездорожью, пока в грязи побуксуют... Вам придется принять дорогих гостей, Вячеслав Иванович, – сообщил безрадостную весть Весенин. – Редкая удача, что

вы еще не ушли домой.

– А где начальник управления? – хмуро буркнул Горбатов.

– Павел Петрович – ВЕЗДЕ, – проворчал Поморцев. – Когда не надо. Но так уж вышло, что в данный исторический момент господина полковника в здании нет. Ушел. Вы сегодня торопитесь, Вячеслав Иванович?

Ждать пришлось недолго. Громоздкий грузовик с зарешеченной будкой подъехал к зданию минут через восемь, остановился в арке, где имелаась дверь в кулуары управления. С днища машины, как с промокшей собаки, стекала вода.

– Ей-богу, конец света, товарищ подполковник, – сообщил возбужденный капитан из Троицкого ОВД, спрыгивая с подножки. – Небеса сбесились, по мосту на Свердлова кое-как проехали, вода хлещет, машину несет... Капитан Татаринов, – запоздало козырнул офицер. – Получите и распишитесь, как говорится. Сопроводительные бумаги в кабине. Мне сообщили, что ваше начальство уже в курсе и дало добро.

– Ты сначала товар покажи, – проворчал Горбатов. – А то возите к нам какое-то барахло. Могли бы что-нибудь хорошее привезти...

Водитель отпер дверь, и офицеры по складной лестнице поднялись в кузов. Богатством интерьера внутренности кузова не блистали. Жесткая лавка, приваренная к заднему борту, на лавке двое с автоматами. Тусклая лампочка от ав-

томобильного аккумулятора. Другая половина кузова представляла собой стальную клетку с запертой дверью. У переднего борта аналогичная лавка, на ней сидели трое – всем под сорок, набychенные, злые, с волчьим блеском в глазах. Просто классика. Горбатов подобрался – это не воришки Швондеры, у которых кишка тонка, чтобы убить. На запястьях наручники, ноги тоже в цепях. Ходить в таком виде невозможно – только униженно семенить. На небритых рожах цвели отметины от недавнего рукоприкладства.

– Ну давай, капитан, повествуй, что за каторжане, – вздохнул Горбатов. – Вижу, поработали над ними.

– Пытались сбежать во время конвоирования на следственный эксперимент, – пояснил Татаринов. – Чуть не сбежали, черти. Контролеру нос свернули на «полдевятого». Мужики, естественно, размялись, трудно их в этом винить. Не рэп же им читать. Улики стопудовые, как говорится. Преступники не отрицают, что убили двух женщин с целью наживы, и вообще – повеселиться. Публика предельно отможенная, конкретные подонки, совесть и мораль им еще в младенчестве вырезали...

Оскалился лысоватый тип с мясистым носом.

– Да пошел ты, начальник... – он развил свою мысль сиплым голосом, описав, куда идти и кого с собой взять.

– Вот так и посылают всех, – сокрушенно вздохнул Татаринов. – И не боятся, что им снова рыла начистят. Ладно, мы живем в свободной стране, имеем право посылать и быть

посланными... Этот кудрявый – Осадчий Василий Георгиевич, – и лысоватый, услышав свою фамилию, осклабился еще больше. – Три ходки за грабежи и нанесение тяжких телесных повреждений. Лагерная погромуха – Боксер. По младости лет занимался боксом, имел какой-то разряд. Сейчас уже, понятно, не спортсмен.

– А давай разомнемся, начальник, – предложил, подмигнув, лысый. – Там и поглядим, кто тут в форме, а кто нет. Ну, давай, в натуре, один на один?

– Чавку закрой, Боксер, – проворчал Татаринцов. – Пока не вырвали. Освободился полгода назад. В законной добыче средств к существованию замечен не был. Хорунжев Николай Васильевич, – представил он второго заключенного, и ощерился субъект с жестким ежиком на макушке. – Погоняло – Гоголь. Сидел за двойное убийство, но получил сравнительно мало, поскольку проходил по делу вторым эшелонном. Формально числится охранником в ЗАО «Кварц». Роденберг Сергей Карлович, – ткнул он подбородком в третьего присутствующего. – Кликуха – Фриц. Самый опасный. В отличие от тупых корешей, умеет шевелить мозгами. Жесткий, циничный, способен при нужде сойти за интеллигента. «Временно безработный». Последняя статья в активе 209-я. Бандитизм. Отсидел законный чирик, откинулся с чистой совестью девять месяцев назад...

– Ты кого тупым назвал, мент? – обиделся Хорунжев.

Цинично усмехнулся третий арестант – доброе слово и

кошке в радость. Жилистый, с отрастающей окладистой бородкой, с умными цепляющими глазами, он был похож на геолога.

– Красавцы, не спорю, – согласился Горбатов. – Корифеи, можно сказать, своего дела. Не знали, капитан, на что способна эта публика? Обязательно нужно убивать женщин?

Он перехватил неласковый взгляд офицера и сам смутился. Не секрет, что с профилактикой преступлений (особенно в южных регионах) дела, мягко говоря, не блещут. Правоохранительные структуры в курортных уголках тоже имеют специфический характер. Ряды насквозь заражены. На прошлой неделе спецназ Следственного комитета ночным штурмом взял особняк на Тополевой улице. Прибрали коллегу Горбатова майора Мышинского и красавицу жену. Нормальный был мент, никаких нареканий. Куча поощрений, нагрудные знаки, и не трус, если нужно выехать на захват. На счету четыре заказных убийства, руководство бандой (вроде этой троицы из Троицкой), организация канала сбыта наркотиков в особо крупных размерах. И супруга – достойный ассистент во всех начинаниях. Усевшись за решетку, майор был потрясен, даже не запирался под тяжестью улик. Горбатов видел его в камере – поседевший, весь серый, глаза потухшие, разом растерял весь лоск и гонор...

– Вываливаем, товарищ подполковник? – спросил Татаринов. – Или еще полюбуетесь?

– Дальше везите, – проворчал Горбатов, – СИЗО на Луна-

чарского, 24. Там уже в курсе, ждут. Рады бы пригреть ваших протеже, капитан, но у нас в застенках переизбыток клиентуры. Да осторожнее езжайте – тут сегодня немного мокро...

Он освободился через двадцать минут. Чертыхаясь, спустился в подземный гараж, вывел с парковки подержанный «Опель» с высокой посадкой и через пару минут уже прорывался через площадь. Дождевые струи осатанело хлестали по крыше. Плотная пелена висела в воздухе. Опустилась тьма – она и без дождя бы опустилась: восемь вечера, на юге темнеет рано. В бешеном ритме работали стеклоочистители, разгребали потоки воды. Фары пробивали завесу дождя на несколько метров. Поколебавшись, он включил противотуманные фонари – едва ли в этой мгле он кого-то ослепит. Машина медленно катила по улице Свердлова в северном направлении – мимо кирпичных трехэтажек, не читаемых в мареве вывесок, мимо мукомольного предприятия номер два за кирпичным забором. Асфальт еще проглядывал. Потоки воды неслись по обочинам, тащили ветки, сорванные с кустов и деревьев, горы мусора. Решетки ливневой канализации забивались хламом, но пока еще пропускали какой-то процент воды: мутная жижа в их окрестностях бурлила, закручивалась в водовороты. Машин на улице было мало. Те, кто ехал с работы, успели проскочить, остальных в такую погоду не выманить. Общественный транспорт уже не ходил. Проезжая мимо автобусной остановки, Горбатов обнаружил под сферическим колпаком одинокую фигуру в

длинном дождевике. Он сбавил скорость, сместился вправо и заехал на бордюр, чтобы человеку не пришлось выбегать под дождь. Тот не сразу догадался, что его приглашают, пришлось просигналить. Мужчина подпрыгнул от неожиданности. Пассажир оказался знакомым. Отдуваясь, хрустя непромокаемой тканью, он протиснулся в салон, стащил капюшон и превратился в Игоря Афанасьевича Склярского – пожилого, но бодрого интеллигента, проживающего в квартале от Горбатова.

– Милый вечерок, Игорь Афанасьевич? – усмехнулся Горбатов. – Не едет гора к Магомету?

– Господи, Вячеслав Иванович... – расплылся в неровной улыбке Склярский. – Сам бог вас послал, спасибо вам огромное... Полчаса стою, любуюсь на этот конец света – такое ощущение, что в городе ни одного автобуса, ни одного пешехода – все вымерли к чертовой бабушке...

У Склярского была богатая мимика. Предельно вежливый, интеллигент в пятом колене, и выражение «к чертовой бабушке» звучало в его устах как последнее ругательство. С этим чудачком Горбатов изредка играл в шахматы в Северном парке, иногда сталкивались в супермаркете. Супруга Игоря Афанасьевича подарила Насте особо редкую кустовую розу, а в нагрузку – озорного котенка, который вырос в серо-бурого сибирского кота и не давал домашним прохода. Игорь Афанасьевич преподавал географию в средней школе, потом работал в техническом колледже, а с недавних пор нашел се-

бя в Южно-Кубанском гидрометцентре – в отделе анализа и прогнозирования, где и собирался досидеть до пенсии.

Машина катила дальше. Пришлось включить кондиционер, чтобы не потело стекло. Игорь Афанасьевич что-то монотонно бормотал, в сотый раз благодарил, сетовал на то, что очень кстати сломалась машина: влетела в яму – а как ее увидишь, если кругом одна большая лужа? Пришлось напрашиваться к соседу на буксир, а потом еще и отстегивать ему две тысячи, поскольку есть такая категория людей, которые бесплатно даже из машины не выйдут...

Потом он мрачно сказал:

– Все очень плохо, Вячеслав, – и меланхолично уставился в лобовое стекло.

– Да воскреснет ваш «Москвич», Игорь Афанасьевич... – машинально начал Горбатов.

– Я не об этом, – вздохнул Склярский. – Я сильно удивляюсь нашей администрации, что она не объявляет режим чрезвычайной ситуации и откладывает до последнего эвакуацию людей из прибрежных районов. Все, что мы видим на данный момент, может плохо кончиться. Уж поверьте старику – он располагает правильной информацией.

– Вы считаете, может стать еще хуже? – покосился на него Горбатов. Ох уж эти пугливые синоптики...

– Это типичная халатность, Вячеслав Иванович, которая может довести до трагедии, – монотонно бубнил Склярский. – Можете поверить пожилому чудаковатому человеку

– толковому специалисту по прогнозированию климатических ситуаций. Нас сильно затопит. Я не оракул, конечно, могу ошибаться, дай бог, чтобы я ошибся... Но посудите сами. До завтрашнего утра дождь не кончится – гарантирую со стопроцентной вероятностью. Что мы имеем на текущий момент? Практически вся Кубань плавает под аномальными ливнями. Земля уже не впитывает. В Новороссийске объявлен режим ЧС, в Геленджике вот-вот объявят. В этих городах, уж поверьте, справятся с минимальным ущербом – там отлажена работа соответствующих структур. В Таманске все печальнее. Это не курортный город, до него никому нет дела. У города нет защитной дамбы, нет специальных противопаводковых водохранилищ – хотя два года назад на это выделялись средства. Где эти деньги – разворовали? Опыт наводнения десятилетней давности ничему не учит? Вы здесь не жили, Вячеслав Иванович, не знаете, какой кошмар тут творился. Большую часть города пришлось отстраивать заново... Вы знаете, что за последние сутки почти на метр поднялись притоки Аргадума – Бакатка, Гия? Разлились Кабанга и Бержанка, вследствие чего затопило две станицы выше по течению – Бержанскую и Нижнекабангинскую. Там вода затапливает здания, по улицам ездить невозможно, люди покидают дома. Переполнились все мелкие речушки, впадающие в Аргадум, все горные ручьи. С гор сходят сели, вода льется, как с водопада – и все это несчастье вливается в Аргадум... А если переполнится Бержанское водохранилище?

А если прорвется дамба плотины? Что будет, если вся эта масса хлынет на нас? А они ведь в штатном режиме сливают воду – пусть небольшими порциями, но все же...

– Я слышал, Бержанское водохранилище хорошо защищено, – пробормотал Горбатов.

– Пусть так, – всплеснул руками Склярский. – Пусть слух этот нами проверен, и плотина с честью выдержит испытание. Она не треснет, водохранилище не переполнится, не будет аварийных сбросов. Описать вам вариант неблагоприятного развития событий – без участия водохранилища?

– Может, лучше не надо, Игорь Афанасьевич? – усмехнулся Горбатов. – Наговорите ужасов – ночью не усну.

– И все же я рискну, Вячеслав Иванович. Поверьте, я внимательно изучил карту прилегающей местности, особенно ландшафта и все тому подобное. Дождь не утихнет, он будет свирепствовать как минимум до утра. Аргадум выйдет из берегов и затопит прибрежные улицы – думаю, не меньше половины территории города. Сколько лет строят без разрешения, вопреки всем на свете нормам в водоотводной, паводкоопасной зоне! Опыт прошлого ничему не учит! И вода будет стоять, начнет уходить лишь после того, как закончится дождь. А вот вам самый неблагоприятный вариант. Вероятность небольшая, но она есть. Автомобильный мост ниже слияния Бержанки и Кабанги. Ширина между опорами – тридцать метров. Вода несется под мостом, как сумасшедшая. Это не просто вода – в ней горы хлама. Ветви, камни,

мусор, стволы деревьев. Два часа назад мои коллеги выезжали к мосту мониторить ситуацию. К сожалению, мусор уже скапливается. Пока немного, но гора растет. Стволы деревьев цепляются друг за друга и за колонны моста, начинают создавать преграду потоку. Мусор закупоривает щели между деревьями. Если пробьет эту пробку – хорошо, но может не пробить, тогда запруда будет расти, пока не превратится в полноценную плотину. И что тогда, Вячеслав Иванович?

– А что тогда? – сглотнул Горбатов.

– Элементарная физика, – торжествующе объявил Склярский. – Вода поднимается выше, затапливает мост, разливается в окружающем пространстве, образуя локальное водохранилище. Часть воды, разумеется, просачивается, уносится с течением, другая остается, уровень ее неуклонно растет... А что у нас дальше? А дальше, в шестистах метрах, еще один мост – железнодорожный. Под ним такая же запруда – застревает то, что не застряло под автомобильным мостом. Высота насыпи под полотном – семь метров. Вода поднимается, поднимается... – в голосе чудаковатого синоптика зазвенели трагические нотки.

– А потом плотина прорывается, и на город устремляется семиметровое цунами, – кисло улыбнулся Горбатов. – Сшибая все, что встретит на своем разрушительном пути. Картина Апокалипсиса, Игорь Афанасьевич. Вам бы сценарии для Голливуда писать.

– Ну это я так, – смутился Склярский. – Допускаю, что

фантазия на вольные темы, но вероятность подобного сценария все же сохраняется.

– Кстати, сколько нужно часов, чтобы разразился этот ваш катастрофический вариант? – на всякий случай поинтересовался Горбатов.

– Трудно сказать. Возможно, часов шесть, семь... Повторяю, Вячеслав Иванович, данные события маловероятны и являются собой что-то запредельное. Но то, что Аргадум разольется и затопит город, – это факт. Его не удержать. Никому до этого нет дела! Наша власть в рот воды набрала, районное управление МЧС непонятно чем занимается! Могли бы по телевизору пустить бегущую строку с предупреждением о половодье. По радио бы объявили, машину бы отправили для объезда улиц с громкоговорителем. Разве это затратно? Это копейку стоит! А люди пусть сами решают, покидать им дома или нет. Во всяком случае, будут в курсе, начнут готовиться к неприятностям.

– Вы пытались кого-нибудь предупредить?

– Конечно! – возмутился Склярский. – Я предоставил доклад вышестоящему начальству, я лично позвонил в администрацию и все им рассказал... Нет, мне не сказали прямым текстом, что я выживаю из ума, но ясно дали это понять. У них все под контролем, работают высококлассные специалисты, ситуация отслеживается – и нечего сеять панику на пустом месте. Просто руки опускаются, Вячеслав Иванович. Я не мальчик с улицы, я хороший специалист, располагаю ин-

формацией...

– До наших кварталов вода не дойдет, – осторожно заметил Горбатов.

– Безусловно, – кивнул Склярский. – На холмах северной части города вода появится только в день всемирного потопа. Даже центр не затопит. Но я могу вам с легкостью назвать десяток улиц – особенно в правобережной части – которые пострадают от наводнения. Может, я что-то не понимаю в системе управления, Вячеслав Иванович, но не могу избавиться от ощущения, что в городской администрации сидят некомпетентные товарищи, которым откровенно наплевать, что пострадают люди. Простите меня покорно, вы сами власть, хотя и занимаетесь несколько другими вопросами...

– Все в порядке, Игорь Афанасьевич, – отмахнулся Горбатов, – нынешнюю власть не критикуют только мертвые. Мне тоже кажется, что вы сгущаете краски, хотя, возможно, в чем-то правы: властям бы стоило быть ближе к народу. Молчание чиновников и структур МЧС выглядит, по меньшей мере, странно. Могли бы что-нибудь предпринять.

«А лучше не стоит», – подумал он, но не стал эту мысль озвучивать. Слишком часто деятельность чиновников стала напоминать продукты жизнедеятельности. Он высадил Склярского в квартале от своего дома, под крытым навесом автостанции. До калитки синоптика было четыре шага. Мужчина яростно благодарил, уверял во всяческом почте-

нии, приносил извинения за доставленные хлопоты. Потом, закутавшись в дождевик, выбрался из машины и засеменял к ограде. Горбатов осмотрелся. Крыша над парковками не служила панацеей от стихии – косые струи долетали и сюда, асфальт из-за луж почти не просматривался. Но здесь было легче. В здании автостанции работали киоски, жались кучкой междугородние автобусы – у их водителей не было желания куда-то выезжать. Из здания высывались люди, кучка пассажиров с вещами теснилась на скамейке – они еще не потеряли надежды покинуть этот город. Напротив, через дорогу, располагалась крытая автозаправка. Навес над ней внушал уважение, мог бы выдержать торнадо. АЗС работала. Отъехал старенький пикап – вода из кузова хлестала, как из порванного канализационного коллектора. С южной стороны подъехал массивный серебристый внедорожник со значком «Крайслера». Подполковнику стало интересно. Подобная машина имелась в городе лишь у одного человека: первого заместителя главы района Чичяйкина. Горбатов приоткрыл окно, стал всматриваться. Стена дождя прозрачной не делалась, но небольшая видимость сохранялась. Элегантный джип с внушительным дорожным просветом остановился у колонки напротив парковки. Выбрался человек в непромокаемом плаще, натянул капюшон на голову, вставил в бензобак заправочный пистолет и засеменял рассчитывать. Когда он вернулся, сомнения рассеялись – упомянутый чиновник. По непроверенным слухам, человек, не понаслышке

знакомый с проблемой коррупции. Но за руку такого не схватишь, и что-то предъявить – проблематично. В машине на пассажирском сиденье ворочалось тело – предположительно супруга госслужащего. Сзади просматривались груды вещей – баулы, пакеты. Заправка была «демократичной» – водители сами себя обслуживали. Чиновник не стал орать, чтобы его обслужили, воровато посмотрел по сторонам и принялся наполнять бензобак. Из салона гаркнула супруга. Чиновник огрызнулся. Пристроил пистолет в углубление колонки и собрался нырнуть за руль, когда Горбатов его окликнул:

– Федор Семенович, здравствуйте!

Чиновник вздрогнул, втянул голову в плечи. Обрисовалась бледная физиономия со шныряющими глазами. Он не мог понять, кто его зовет. Померещилось в распутицу? Потом взгляд его уперся в «Опель» под навесом парковки, отыскал лицо водителя. Чиновник напряженно вглядывался.

– Кто это? – прохрипел он взволнованным голосом.

– Полиция, – усмехнулся Горбатов.

Чиновник чуть в штаны не наделал. Во всяком случае, обескураженная физиономия намекала именно на это.

– А, это вы, Вячеслав Иванович... – он демонстрировал хорошую память на имена, хотя пересекаться приходилось ровно два раза – по делам, к сожалению, не имеющим касательства к коррупции.

– Уезжаете, Федор Семенович?

– Ну что вы, разве я куда-то уезжаю, Вячеслав Ивано-

вич? – чиновник справился с испугом, соорудил дрожащую усмешку.

– А разве нет? – удивился Горбатов. – Вещи, супруга, полный бак.

– Ах, это... – чиновник снова смутился. – Да вот, на выходные к теще собрались в Терновое. Болеет женщина, супруга всю плешь проела. Мы на пару дней – туда, обратно...

Он словно оправдывался. Не с руки чиновнику высокого ранга такое делать. И вещей набросали в машину выше крыши: понятно, супруга постаралась, но, с другой стороны, зачем? До Тернового сорок верст, выходные – короткие...

– Прошу прощения, Вячеслав Иванович, нужно ехать, – заторопился чиновник. – Рад был бы с вами поболтать, но некогда, супруга волнуется...

Он прыгнул в машину, забыв закрыть крышку бензобака, и так удачно врезал по газам на старте, что чуть не повалил соседнюю колонку. Подполковник задумчиво смотрел, как серебристый «Крайслер» пропадает за штриховкой ливня. Вникать не хотелось, но что-то в этой сценке было не так. Люди испуганы, все боятся наводнения, но почему первым делом в голове возникает крыса, покидающая тонущий корабль?.. Он взглянул на часы и ужаснулся. Обещал супруге быть через двадцать минут, а фактическое «время прибытия» – не раньше девяти! Он завертел головой. Срочно задобрить свою любимую и единственную! В цветочном павильоне за мутным стеклом еще теплилась жизнь, шевелились

тени. Он выудил из бардачка свернутый дождевик, стал прилаживать его на плечи...

Подполковник Горбатов завалился в дом вместе с громом небесным, под бой часов в прихожей, взмокший, но с цветами и радушной улыбкой. Супруга Настя дождалась, пока он стянет дождевик, и зарылась в его объятия. Милая сорокалетняя женщина с каштановыми кудряшками и вздернутым носиком трудилась педиатром в детской больнице, ходила на работу пешком (слава богу, что только два квартала) и каждый вечер в шесть часов была дома.

– Какая точность, – вздохнула Настя, кусая мужа за подбородок. – Мой приветливый полицейский ворвался ровно через два часа. Надеюсь, трудовая неделя на этом закончилась... Надо же, цветы, – засмеялась она, обнимая охапку роз. Потешно сморщила носик. – Желтые розы, какая прелесть. То ли к богатству, то ли к разлуке...

– Не придирайся, – Горбатов чмокнул жену в уголок губ. – Что осталось, то и купил. По цветку за каждые десять минут опоздания. Я нес их от машины под френчем, между прочим, – похвастался подполковник. – В противном случае, они быплы уже в Каспий.

Он снял ботинки, собираясь сунуть ноги в домашние тапки. Но тапок на месте не оказалось. Он вопросительно уставился на Настю. Благоверная поджала губы.

– Сочувствую. Тапок больше нет. Я их выстирала.

– Вот же гад... – он проследил за стремительным пролетом серо-бурого кота на второй этаж.

– Папка, наш Тишка нагадил сегодня в твои тапки! – радостно поведала семилетняя Юлька с потешными бантами, выбегая из своей комнаты и прыгая отцу на шею. – Сначала в один, потом в другой! Мама хотела его отлупить, но мы не дали!

– Все верно, пап, – вышел из комнаты пятнадцатилетний непричесанный Антон. – Наш кот описал твое имущество. Кстати, привет. Мы уже поели. Только мама не ела – без тебя она не может. Долго ты ехал. Это как-то связано с концом света, что остался за дверью?

– Неправда, Антоха! – вскричала Юлька. – Это никакой и не конец света! Конец света будет зимой – в декабре! Сначала конец света, а потом Новый год! Это нам Марья Петровна в садике говорила!

Какое удовольствие – прийти домой, обнять жену, смеяться вместе с детьми! Подполковник оттаял, снял надоевший мундир, нашел «резервные» тапочки. События суматошной пятницы удалялись в закоулки сознания, почти не беспокоили. Природный катаклизм остался за толстыми стенами и недавно отремонтированной крышей. Он лишь изредка напоминал о себе, когда менялось направление ветра и потоки воды хлестали по стеклам. Он заглянул в комнату к Юльке. Дочурка вздохнула рассказывала, как прошел сегодняшний день. Сначала было страшно, мама не хотела везти ее в са-

дик, потом «дядя-гаишник Олег» (видимо, сосед Соболевский) подвез их на машине. Потом опять было страшно – уже в садике, когда над головой грохотал гром и дети сидели в кружке вокруг испуганной Марии Петровны. А потом стало весело, когда завхоз Юрий Павлович переоделся медведем и начал падать. А потом опять было страшно – мама прибыла со знакомой на ее машине, забрала Юльку, и они ехали домой под вот таку-ущим дождем... Нужно покупать вторую машину, сделал удручающий вывод Горбатов. И еще кому-то в этой семье сдавать на права...

Антоха, как водится, зависал на просторах Интернета. И ведь не придерешься – уроки делать не надо, гулять не отпратишь, заставляя читать книжки – самому смешно. Настя на днях выдала бесценный перл: «Чем в Интернете сутками сидеть, лучше бы фигней какой-нибудь позанимался».

– Что делаешь, Антоха? – на всякий случай поинтересовался Горбатов, заглядывая к сыну.

– Качаю чего-то, пап, – отозвалось дите.

– Понятно, – вздохнул отец. – Уверен, ты когда-нибудь узнаешь, что в этой жизни можно скачать не ВСЕ.

– Надеюсь, что нет, пап, – улыбнулся Антоха. – Когда я вырасту, скачать можно будет ВСЕ.

И ведь не поспоришь. Прогресс шагает. Абсурд цветет. Глядишь, через двадцать лет и любовь будут грузить из Интернета, человеческую порядочность (для тех, кто хочет) и прочие моральные ценности. Он ужинал с женой на пустой

кухне, при тусклом светодиодном освещении. Он обожал свою жену. За шестнадцать лет брака Горбатов ни разу не изменил своей Насте. Даже по пьяни, даже в мыслях никогда не возникало. А сотвори такое, то скончался бы наутро от острых колик в районе совести. Они смотрели друг на друга влюбленными глазами, общались как на первом месяце знакомства. Это вызывало у окружающих, с одной стороны, недоумение, с другой – жгучую зависть, неловко прикрытую иронией. Они могли говорить, могли молчать, могли беззлобно подтрунивать друг над другом – в любом случае, им было хорошо вдвоем. «Перманентное состояние дурацкой влюбленности», – заметил однажды в припадке сарказма Антоха.

– Не промокла сегодня? – спросил Горбатов.

– До пояса, – улыбнулась Настя. – Но как промокла, так и отмокла. Сначала было страшно, потом привыкла. Как ты думаешь, мы не уплывем?

– Ни за что на свете, – пообещал Горбатов, вымазывая хлебом остатки гуляша. К прочим немеркнущим достоинствам Настя еще и профессионально готовила.

После ужина она уложила спать Юльку, потом они сидели, обнявшись, перед мерцающим экраном телевизора. «Третья беда», – окрестил его однажды рановато взрослеющий Антон. – После дураков и дорог. Не понимаю, родители, чего вы в него таращитесь, как на новые ворота? Вы видите то, чего не вижу я?»

По всем шестидесяти кнопкам, как обычно, ничего не было. Но главное – ритуал. Просто сидеть, мурлыкать что-то на ушко, лениво поглядывать на экран. Разгул стихии в дом почти не проникал: отличные стены, тройные стеклопакеты. И слава всем богам, что осенью отремонтировали крышу – теперь ее никакой гнев небесный не проймет.

На местном канале шел старый художественный фильм про похождения безалаберного солдата Советской армии. Текла «бегущая строка». В ней не было ничего угрожающего от создателей чрезвычайных ситуаций. Никаких предупреждений, рекомендаций, обращений к жителям Таманска. Набившие оскомину объявления: «куплю», «продам», «арендую», «обменяю». Тревога после беседы со Склярским уже почти прошла, только изредка покалывало что-то под лопаткой.

– Тебя сегодня никуда не вызовут? – шептала Настя, удобно обустроиваясь у него на плече.

– Посмотрим, – шептал он. – Надеюсь, что нет.

– Ну дай-то бог... Хоть бы кончилось все быстрее, только обошлось бы без наводнения... Ты в курсе, Славик, что десять лет назад в этот город пришел сильный паводок? Дома плавали, как кораблики, уйма людей осталась без жилья и имущества... Хорошо, что десять лет назад мы здесь не жили... Какой ты молодец, что подумал о крыше, – похвалила Настя. – Идея, конечно, была моя, но сделаем вид, что это не так. Я весь вечер бегала по дому, проверяя, не капает

ли с потолка. Ни одной капли, представляешь? – она засмеялась. – А мы грешили на этих таджиков, что у них руки не оттуда растут...

– И главное, что кредит, взятый на крышу, мы уже выплатили, – с довольным видом сообщил Горбатов. – И не скатились при этом в бескрайнюю нужду. И на детях не сэкономили. Снова можем откладывать.

– Можем, – прыснула Настя. – Только нечего. Но это ерунда, дорогой. Счастье точно не в деньгах. Лучше бы, конечно, самим в этом убедиться...

– Это точно, – ухмылялся Горбатов. – Когда есть деньги, то легче согласиться, что счастье не в них...

Внезапно погасла лампа в настенном бра. Рассыпалось на квадраты и затухло изображение на экране плазменного телевизора. Стало тихо и темно. И в общем-то, неуютно.

– Ну ёксель-пиксель... – не сдержался Горбатов.

В наступившей тишине было слышно, как завывает ветер за окном, дождь молотит по стеклам и бетонной дорожке.

– Телевизор сломался? – испуганно прошептала Настя.

– И лампа вместе с ним. Одновременно, – обреченно отозвался Горбатов. – Поздравляю, дорогая, в нашем доме выключили свет.

Он вскинул руку с часами. Светящиеся стрелки проинформировали, что «конец света» наступил в 22 часа 10 минут.

– Эй, что за дела?! – возмущенно завопил на втором этаже

Антошка. – Где свет, где Интернет?! Верните Интернет, люди! – ребенок был крайне возмущен – заскрипели половицы, что-то упало и покатилося по полу.

– Может, это не только у нас? – предположила Настя, и теплые пальчики испуганно сжали руку. Он деликатно освободился, на ощупь добрался до окна, отдернув штору. В округе царила беспросветная темень. Погасли окна в окрестных домах, фонари и подсветка в магазинах на улице Прохладной. Дождь хлестал без остановок.словно пожарный с брандспойтом засел на козырьке крыши и самозабвенно поливал окрестности. По проезжей части с ревом и воем неслись потоки воды. Участок перед домом еще не заливало. Но побило все клумбы, растрясло декоративную азалию с умопомрачительными алыми цветками. Молодой абрикос в палисаднике остался без половины веток.

– У соседей тоже отключили, – глухо сообщил Горбатов, задерживая штору. Лучше не смотреть на это светопреставление. – Во всем районе отключили. Или даже во всем городе... Черт, неужели начинает подтапливать... – он отыскал в темноте журнальный столик, нащупал трубку стационарного телефона. Сигнала не было – телефонную связь отрубили вместе с электричеством и Интернетом. Он схватил мобильник – хорошо, что под рукой на том же столике. Сотовая связь пока имелась: логично, базовая станция сотовой связи расположена на Егорьевской сопке в восточной части Таманска. Если уж ее затопит, будет полный катаклизм... В теле-

фонной книге имелись номера экстренных служб, в том числе аварийка «Горэнерго». Он чертыхнулся – короткие гудки. Выждал несколько секунд, повторил вызов – снова занято. Ничего странного, весь город обрывает этот номер! Ладно, все в порядке, электричество могут отключать и без всяких наводнений. Главное, чтобы жена не нервничала...

– Все в порядке, – сообщил он, возвращаясь на диван и заключая притихшую Настю в объятия. – Сотовая связь на месте, а остальное нас не касается. В такую погоду аварийные ситуации на подстанциях – горькая норма. Утром проснемся – солнышко, выходные, электрификация в каждой розетке...

Он отыскал ее губы, нежно поцеловал. Настя размякла, обняла его за шею. А Антошка наверху продолжал митинговать. Доколе, что за дела, куда смотрит полиция?! Ему осталось загрузить всего ничего, все труды насмарку, кто окупит его моральные и материальные издержки?! Потом затих, заскрипели ножки кровати – ребенок с отчаяния завалился спать. Проснулась Юлька, прикрикнула на брата, чтобы вел себя прилично, и снова заснула.

– Бедный Антошка... – с придыханием сообщила Настя. – Как ему не повезло в этой жизни... Он весь вечер рвался на свидание к Анечке из параллельного класса, они забрасывали друг дружку эсэмэсками, созванивались. Но какие могут быть свидания в такую погоду? Анечку тоже не пускали. Он смирился с тем, что жизнь не удалась, сел за компьютер – а тут такое свинство...

– Боюсь, что эти свидания закончатся встречей в формате «без трусов»... – посетовал Горбатов. Жена шутливо ударила кулачком, он начал возмущаться. – А что такого? Ребенку пятнадцать, природу не обманешь, скоро голова опухнет от гормонов...

Несколько минут они молчали. Но это не значило, что супруги ничего не делали. Учащалось и срывалось дыхание, сближались две родственные души и две телесные оболочки.

– Вот так всегда... – задыхаясь, шептала Настя. – Сколько мужика ни корми, все равно о сексе думает...

– Это еще не самое страшное... – урчал Горбатов. – Куда страшнее, если бы не думал... Не пора ли в спальню, дорогая? Телевизор мы уже посмотрели, в гостиной все дела переделали...

Он вел ее по темному коридору, помогая маневрировать. Сдавленно хихикали, споткнувшись о порожек, упали на кровать: сначала он, потом она – доведенная до иступления, не женщина – пожар... А когда все кончилось, сыто урчащий Горбатов бродил по спальне и зажигал причудливые свечи, скопившиеся после Нового года. Помимо света, они испускали сомнительный аромат благовоний. Настя в ночной сорочке сидела перед зеркалом, вглядываясь в собственные сумрачные очертания и при помощи хитроумных приспособлений наводя «косметический ремонт».

– Какая я старая и некрасивая... – удрученно шептала Настя, вглядываясь в зазеркалье. Покосилась на спящего су-

пруга. – И только попробуй со мной согласиться...

– Ни в коем случае, – уверил Горбатов. – Ты молодеешь с каждым годом и нравишься все больше. Давай ложиться. Хоть выспимся по-человечески. Ты слишком много времени проводишь у зеркала, дорогая, оно того не стоит. Зачем сидеть, если все равно ты старая, некрасивая, и тебя пора обрабатывать консервантом? Иди сюда, мать моих детей, мне скучно, – он уже лежал в кровати и с нетерпением ждал жену. – Займемся чем-нибудь еще?

– Кстати, ты в курсе, отец моих детей, что это был не секс, а зачатие? – лукаво спросила Настя. А когда настала оглушительная тишина, звонко засмеялась и запрыгнула к мужу под одеяло.

Она уснула почти мгновенно, а он еще лежал, сжимая женщину в объятиях, не мог уснуть. Дождь молотил по крыше, позвякивала плохо закрепленная водосточная труба. Наверху скрипели половицы, вновь бродил Антоха, выясняя, не включили ли в полной темноте Интернет? Кряхтела, ворочаясь, Юлька. Все правильно – если родители засыпают, значит, пора просыпаться...

Едва он уснул, как разразился тревожной какофонией мобильник в штанах. Ей-богу, только уснул! На часах без восьми минут одиннадцать!

– Товарищ подполковник? Вячеслав Иванович? Добрый вечер... – пробился сквозь эфир взволнованный голос дежурного Весенина.

– И насколько он добрый? – начал раздражаться Горбатов.

– Жуть творится, Вячеслав Иванович... – такое ощущение, что на коленях у дежурного кто-то сидел и активно его возбуждал. – До половины сотрудников не могу дозвониться – то ли разъехались, то ли не берут, то ли связь у них не работает... Хорошо хоть вы на проводе. До Павла Петровича тоже не могу достучаться...

– Попробуй покороче, капитан.

– Аргадум разливается, Вячеслав Иванович... Топит улицы в непосредственной близости от реки – там уже полный кошмар, люди не могут выехать... И на правом берегу, и на левом... Топит Луначарского, Советскую, Новороссийскую... На правом берегу – Ильича, Лагерную... Природа окончательно сбрендилась, товарищ подполковник... Объявлен общий сбор, можно не по форме, приказ поступил из районной администрации – они там страшно напуганы... Все, кого удастся найти, должны собраться через двадцать минут в управлении. Это приказ, нужно вывозить людей...

– Еду... – прорычал подполковник, вытряхиваясь из кровати. – Где МЧС, черт возьми?

– А хрен их знает, товарищ подполковник... Ну приедут они, а толку? Будут речку обратно в русло заталкивать?

– Боже правый, случилось то, чего я больше всего боялась... – обреченно вымолвила Настя, принимая сидячую позу. – Тебя вызывают... Вот и поспали... Что случилось, Славик, милый?

– Все в порядке, родная, – он чмокнул Настю в губы – такие теплые, припухшие, слегка дрожащие. – Всех собирают, не одного меня. Аргадум слегка поднялся. До нас не дойдет, не бойся, наш район на холме... Все штатно, не нервничай, мы же не боимся какого-то дождя? Детям только не говори. Все отлично, к утру вернусь...

– Да что же это творится... – она выбралась из кровати, засуетилась – словно тоже собралась бежать. – Славик, ты только звони, не заставляй меня нервничать, постоянно будь на связи, договорились? Помни, я психую и места себе не нахожу. Будь осторожен, никуда не лезь...

Он уже рылся в вещах на вешалке в прихожей. Фонарик нужно взять... Он схватил с крючка брезентовую ветровку, сунул в карман скрученный дождевик. Выволок из ниши резиновые сапоги – не в форменных ботинках же ехать! Ключи от машины, телефон – во влагонепроницаемый чехол, не забыть поцеловать жену, сказать ей пару ласковых слов, успокоить на прощание – и пулей под свирепый ливень...

Глава вторая

– Вставай, поднимайся, лежащий полицейский, спишь уже? – стонала обнаженная девушка и толкала Олега коленом. – Оглох, Олежка? Телефон твой звонит... Ну объясни, по какой причине ты не выключил его перед сном?

Признаться, подобная мысль имела место. Но что-то не дало это сделать. Что происходит? Они ведь уснули совсем недавно! На экране так и значится: 22 часа 55 минут. Вернулся с работы совсем недавно, Наталья накормила покупным осетинским пирогом (могла бы и приготовить что-нибудь нормальное), позанимались постельной акробатикой – без фанатизма, устал он в пятницу, накануне Ивана Купалы, а также Дня семьи, любви и чего-то там еще... В голове царил рваный сумбур. Олег Соболевский – 33-летний инспектор дорожно-патрульной службы, светловолосый, невысокий, крепко сбитый – сидел на кровати и не мог сориентироваться в пространстве. За окном ревело и стучало – это нормально, три дня только это и происходит. В доме темно, тоже ясно – электричество еще не дали.

– Товарищ лейтенант? Ну, слава богу, хоть кто-то живой, – проворчал с далекого конца эфира знакомый голос. Потребовались мучительные секунды, чтобы узнать прямое начальство – командира взвода ДПС капитана Бутырина. – Приказ по райотделу: все патрули на линию. Весь личный

состав – уяснили? Никаких выходных, сна в летнюю ночь и тому подобных глупостей. Срочно прибыть в райотдел и получить инструкции.

Такое ощущение, что он уже не ДПС, а ДСП... Откуда прессованное сено в голове? Да, ты инспектор ГИБДД, ты должен быть ленивым, размеренным, передвигаться косолапо и желательно с одной и той же миной на упитанном лице. Можно отпустить животик. Думать медленно и с расстановкой. Но не дома же!

– Что-то случилось, Дмитрий Сергеевич? – прохрипел он.

– О, что вы, Олег Михайлович, все в порядке, – язвительно отозвался капитан. – Не считая того, что этот вшивый городок уже уплывает от нас к чертовой матери! Выполняйте! – командир взвода швырнул трубку.

Поднялась Наталья – сексуальная, стройная, с идеальной формой груди, под которой билось неугомонное пылкое сердце.

– Ну что еще? – простонала она, отбрасывая длинные волосы за плечи. – Ты уже отработал три смены по двенадцать часов...

– По ходу это четвертая, – вздохнул Соболевский. – Сбываются, Наталья, самые черные прогнозы – мы тонем...

– Да пропади оно все пропадом... – она обвилась вокруг мужчины, сплела пальцы в замок. – Не пушу, пусть другие работают, это просто произвол! Ты мой, ты никуда не пойдешь!

– Пусти, – вздохнул Олег и попытался освободиться.

– Не пущу...

– Ты вредная.

– Ага, мне молоко положено за вредность, – не без гордости сообщила Наталья.

Пришлось разжать ей пальцы. Она фыркнула и отвернулась. Он наклонился, чтобы чмокнуть ее в висок. Девушка дернулась, но потом передумала, снисходительно позволила завершить начатое. Отбросила простыню и приняла обвожирительную позу. Мерцала свеча. Пришлось одеваться под тяжелым психологическим прессингом. Даже в этой драматической ситуации она издевалась над ним! Ну, ничего, он с ней поквитается. Вот вернется и поквитается. В принципе, Наталья ему нравилась. Гордая, независимая, смотрела свысока на всех мужчин. И чем ее пленил обычный парень из ГИБДД, имеющий за душой лишь домик с неухоженным садом и залатанные «Жигули» лохматого года выпуска? Он бы женился на ней. Возможно, так и сделает, хотя и понимает, что жизнь его с этого дня превратится отнюдь не в сахар. Месяц назад Наталья пришла к нему с вещами, заявив, что хватит бегать от дома к дому, нужно обрести совместным хозяйством. А свой дом на улице Весенней она будет сдавать отдыхающим. Им же не помешает лишняя копеечка? Не на зарплату же инспектора им жить? Временами его психика не уживалась с его логикой, временами она так заводилась, что начинала на него орать. Разумеется, разве может быть

два мнения в дружном коллективе из двух единомышленников? И все равно она ему нравилась. Он готов был смириться со всеми трудностями, с неуживчивым характером Натальи. Хотя...

– Все, ухожу, – сообщил Олег, накрывая Наталью простыней и чмокая в нос.

– Еще Есенин про таких писал, – уколола напоследок девица. – Выхожу один я на работу... Интересно, найдутся ли другие энтузиасты в такую погоду? Учти, дорогой, я буду постоянно тебе звонить и контролировать рабочий процесс. И осторожнее там, – выдавила она напоследок. – Вдруг действительно все так плохо?

К погодным катаклизмам инспекторам не привыкать. Под снегом, под дождем, в стужу, в зной торчат, как проклятые, зарплата дух не захватывает, да еще и получают по башке от так называемого общественного мнения... За крыльцом сыпал надоевший дождь. Он уже трое суток работает под этим дождем! Набросив на плечи хрустящую плащ-палатку, Олег пошел к навесу, где, кроме машины, имелась русская печь, нужность которой неоднократно ставилась Натальей под сомнение. Он не позволит ей отнять любимую «фамильную» печь! Подержанная «девятка», рыча натруженным движком, буравя воду, подкатила к воротам – они услужливо распахнулись. А вот закрывать их после выезда приходилось вручную (конструкция «полуавтомат», шутил Олег) – он покинул машину, замкнул ворота на задвижку и бросился обрат-

но. В районе царила тьма, тучи плыли, почти касаясь крыш, и дождь лил, как из чаши изобилия. С соседнего участка выехала машина, развернулась к центру. Свет фар озарил проезжую часть, по которой бурными потоками неслась вода. Машина встала рядом – черный «Опель» – полуджип не первой свежести. Опустилось стекло, обрисовался озабоченный сосед – подполковник Горбатов из следственного отдела. Соболевский закрутил рукоятку – давно пора избавиться от этих «деревянных» ручек, да вечно недосуг...

– Тоже вызывают? – спросил Горбатов.

– Вызывают, сосед, – удрученно поведал Олег. – Снова на работу, как на праздник... Информацией владеешь?

– Улицы затопило в прибрежной зоне, людей собираются эвакуировать. Впрочем, у тебя другая будет задача... Спасибо, Олег, что подбросил сегодня Настю с Юлькой, – озабоченное лицо подполковника озарилось улыбкой. – Несладко бы им пришлось под этим душем.

– Да это фигня, – отмахнулся Олег. – Обращайся, поможем, чем сможем, – он ухмыльнулся. – За минимальное вознаграждение. Не решился еще жене колеса приобрести?

– Думаю, – ухмыльнулся Горбатов. – Много и часто. Дело даже не в деньгах, можно и хлам взять на первое время. Как представляю, что моя Настюха где-то там одна, на трассе, беззащитная, в окружении злобных мужиков... Не, отставить, – он передернул плечами. – Пусть пешком ходит. Ладно, будь здоров, сосед, удачной ночи.

Оба зажмурились – дальний свет слепил глаза. Приближался какой-то хам на мощном внедорожнике. Он двигался к северным предместьям. Вода крутыми валами неслась из-под колес. Пространства для проезда было достаточно, однако водитель сдал в сторону, наехав левыми колесами на тротуар. Черный «Хаммер», поблескивающий хромированной «доработкой», промчался мимо, окатив стоящие машины.

– Вот сука... – не сдержался Соболевский.

– Сука и есть, – проворчал Горбатов, провожая глазами габаритные огни. – Первый заместитель Ухтомского, глава комитета по строительству и недвижимости Глазурин. Был под уголовным делом о хищении бюджетных средств, вышел сухим исключительно молитвами адвоката. Еще и извиняться заставил следователей...

– Куда это он сорвался?

– Не он первый, – отмахнулся Горбатов. – Многие крысы сегодня удирают с корабля – чувствуют, что городок потреплет... Ладно, сосед, прощаемся, ночка та еще намечается. Удачи.

Город под черными небесами был пуст. Электричество отключили по всему Таманску. Шквалистый ветер раскачивал кроны деревьев. По воздуху метались какие-то пакеты, ветки, ошметки рекламных баннеров. Вода бурлила по проезжей части, по тротуарам, топила подвалы жилых домов. Ближе к центру уплотнялось движение, мельтешили люди

под дождем. Ветром повалило дощатый забор – было видно, как люди перетаскивают скарб по наружной лестнице на второй этаж. Машина с трудом прорывалась по водному слою – разогнаться в этой жиже было нереально. До райотдела, расположенного во дворах за центральной площадью, Олег добрался без приключений. Только на улице Маршала Василевского пришлось объезжать упавшее дерево: скопился затор, машины переползали через бордюр, калеча бамперы и изгибая выхлопные трубы. Центральная площадь Таманска с расходящимися лучами улиц находилась на возвышении. Попасть под затопление она не могла. Но ветер и ливень натворили здесь дел. Из заборов выбивало штакетины, рушились целые секции, валялись вырванные ветром деревья. Тени людей колыхались в сумрачном пространстве. В соседнем квартале завывала сирена «Скорой помощи». Столкнулись две машины – ругались водители. Олег аккуратно объехал место происшествия, покатыл дальше – уж как-нибудь разберутся. У райотдела бурлила жизнь. Подъезжали и отъезжали машины, сновали люди в форменных дождевых плащах. В фойе при свете фонарей разорялся живописным матом начальник райотдела подполковник Федин. Где люди?! Почему он должен по крохам собирать этих бездельников?! Куда они подевались?! Сотрудники перешептывались: то ли шеф еще не ложился, то ли по-прежнему всех людей ненавидит. Личного состава набиралось от силы сорок процентов – злые, кое-как одетые, заспанные, многие уже выпили

– не планировалось, мягко говоря, ночное дежурство. Кто-то уехал из города, кого-то уже топило, и он плевал на работу с высокой колокольни! «За работу, касатики! – хрипел подполковник. – И если заставите меня страдать, то я заставлю страдать вас!» Спешно формировались патрули, капитан Бутырин сумбурно излагал оперативную обстановку и ставил задачу. Топит прибрежные улицы: Луначарского, Новороссийскую, Советскую. На правом берегу: Камышовую, Лагерную, Ильича. Подтоплены винзавод, стадион «Варяг». Информация получасовой давности, сейчас, возможно, по ловодье перекинулось и на другие улицы. Срочно выставить посты на выездах из города, усилить работу на южном и юго-западном направлениях – откуда несется вода. Помогать автомобилистам разгруливать движение. Патрули на западный выезд, на восточный, разобраться с ситуацией на Новороссийском шоссе, где столкнулись три фуры и никто не может проехать... Всем работать, никому не спать!

– Будем работать, мать ее... – ругался как опытный сапожник напарник Олега лейтенант Солохин. – Только труд сделает нас больными и горбатыми...

Особое задание – экипажу Соболевского. Топит речку Кабангу в километре от слияния с Бержанкой. Поля подсолнечника в тех краях уже ушли под воду. Вода надвигается на южный автомобильный мост через Аргадум, наблюдается перелив через дорогу. Срочно направляться к виадуку на трассе А-146, связующей Геленджик с Новороссийском, пе-

рекрыть проезжую часть. Чтобы ни один самоубийца не проскочил! К месту несения службы направляться правым берегом – через мост на Свердлова, левым уже не проехать, все затоплено. Стоять на трассе, пока не будет приказа покинуть пост!

– А зачем, товарищ капитан? – мрачно осведомился Соболевский. – Кто-то в этот потоп еще пытается проскочить?

– Ты даже не представляешь, лейтенант, как их много, – ядовито процедил комвзвода. – Люди не в курсе, мечутся, как муравьи. Это федеральная трасса, по ней всегда норовят прошмыгнуть. Дело в том, что правый берег Кабанги – обширная низина, вода заливает поля, идет на север, отрезая Таманск с востока. Все, что справа от федеральной трассы, уже море. Там не проедет даже джип с метровым клиренсом. Уяснил задачу? На запад пропускать, на восток – ни души. Следить, чтобы машины не плыли, чтобы паники не было. Дуйте с Солохиным, и чтобы через двадцать минут были там. Доклад – каждые полчаса.

«Брутальный» «уазик» с символикой ДПС на капоте был машинкой битой, но служил исправно и подводил редко. Гриша Солохин заразительно зевал, едва не выворачивая челюсть. Ушастый, чубатый, остроносый, недовольный всем на свете, он гонял мотор на холостых оборотах и сообщил «отличную» новость: бензина в баке практически хрен.

– Так какого ты его гоняешь без нужды? – проворчал Олег, загружаясь в салон. – Ладно, поехали, напарник, телепорт

сегодня закрыт. На Тургенева должна быть круглосуточная заправка.

Машина медленно съезжала с горки по Свердлова, направляясь к северному автомобильному мосту. Нервы натянулись, звенели. Солохин чертыхался сквозь зубы – на этой дороге куча ям, и ни одной не видно под водой. Хорошо, что он знает дорогу как свои обкусанные ногти, иначе точно бы разбили подвеску! Дождь падал плотно, фары вырывали из мрака лишь клочок пространства. В эту местность половодье еще не добралось, но стихия порезвилась: по воде плавали ветки, тополиный молодняк, у обочины застыл защемленный плакат, сорванный с витрины: «Итальянская мебель. Дешевле, чем в Италии!» Тротуары и проезжую часть завалило мусором. Всплыла собака с оскаленной пастью, и Олега чуть не стошнило. «Где «Скорая», мать ее?!» – зывали за автобусной остановкой. – «Человеку ноги перебило, где эта долбаная «Скорая»?!»

– Размечтались, ага... – бормотал Солохин, напряженно вглядываясь в окно. – Чем позже приедут, тем точнее диагноз, гы-гы...

Олег поморщился – тактом и любовью к ближнему Гриша Солохин не отличался.

– Да какого он еле тащится? – рычал напарник, тыкаясь бампером в ползущие «Жигули». Их как-то странно клонило на бок. – Мужик, быстрее давай! Слушай, Олежка, – повернулся он к напарнику и грубо гоготнул, – а ты уверен, что

мы отражаемся у него в зеркале заднего вида?

Терпение лопнуло, он включил сирену. Отчаянный рев разорвал пространство. «Жигули» припадочно дернулись. Раздался скрежет, водитель пытался взгромоздиться на бордюр.

– Не травмируй человеку психику, – вздохнул Олег.

– Да все нормально, – отмахнулся Солохин. – Применение насилия, не опасного для жизни и здоровья, ептыть его...

Он промчался мимо «Жигулей», обдав их волной. Через минуту машина ДПС уже гремела по мосту в гордом одиночестве. Север Таманска был приподнят относительно южной части. Разрушительный паводок сюда еще не добрался. Мост стоял.

– А ну останови, – распорядился Олег. Солохин поворчал для порядка, но сдал машину к пешеходной дорожке. Соболевский выбрался в шторм, кутаясь в дождевик, забрался к ограждению. Он вцепился в него обеими руками, напряженно вглядывался во тьму. Дождь стучал по капюшону, ветер работал на отрыв. В светлое время суток он увидел бы весь Таманск до южного моста, а сейчас его окутывала густая темень. Во всем городе не горело ни одной лампочки, лишь кое-где мелькали зажженные фары. Смутно вычерчивались крыши домов, контуры деревьев. Визуально понять, что происходит на юге, было невозможно. Конечная точка пути – южный автомобильный мост, стоящий за пределами городской черты, – не различался даже условно. По

прямой километров шесть, и что там сейчас – только богу видно. Он отстегнул от пояса фонарик, перегнулся через перила, рискуя свалиться в воду от порыва ветра, осветил пространство под мостом. Мутная масса со злобным гулом неслась на север. Кружились в водовороте ветви, сучья, деревья и целые выдранные кустарники. Мелькал какой-то мусор – фрагменты заборов, фанерные щиты. Он отшатнулся – такое ощущение, что прямо на него несется смятый в лепешку автомобиль с болтающимся номерным знаком! Треснулся об колонну, вздрогнул настил. Мусор скапливался под колоннами – несколько бревен прилипли к бетону, к ним цеплялись стволы и мелкие сучья, продукты человеческого труда. Застряла между защемленными бревнами раздавленная машина. А потоки воды переливались через препятствия, уносились дальше. Уровень воды под мостом заметно прибыл. В обычном состоянии от настила до воды метров десять, а теперь (если чисто на глазок) – порядка восьми. Что же творится на юге, где местность катастрофически идет на понижение?

– Ну и как оно? – опасливо осведомился Солохин, когда напарник вернулся в машину.

– Да как-то не «Газпром», – откровенно признался Соболевский. – Ладно, поехали на правый берег. Здесь пока еще нормально.

Правобережную часть формировал преимущественно частный сектор. Вода в этой местности, на улице Кубовой,

стояла по щиколотку, но чем дальше продвигался в глубь района патрульный экипаж, тем выше она поднималась. Бегали люди, перетаскивали вещи. Кто-то злобно матерился вслед гаишникам – появились, мол, не запылились. «Сворачивай на Тургенева», – приказал Олег, и Солохин втиснул машину в узкий просвет, включил пониженную передачу, взбираясь на косогор. И словно в другой мир попали! На улице Тургенева, застроенной добротными домами, не было никакого половодья. Здесь недавно положили асфальт, сделали нормальную ливневку. Вода хлестала по проезжей части, но сложностей с проездом не было. «Гуляем!» – возликовал Солохин и пустил машину бодрой рысью. Вскоре он въезжал на забетонированную заправку, оснащенную монументальным навесом. Заправка работала! Видимо, у местных коммерсантов имелся генератор. Солохин сгреб талоны, умчался к оператору. Быстро вернулся, погрузил пистолет в заправочный бак. Колонка выдавала горючее неохотно, скупыми дозами. Солохин поплясал и забрался в салон – уж лучше сидя, чем вприсядку. По дороге в северном направлении проследовал кортеж из пары дорогих внедорожников. Не все еще местные небожители успели покинуть город. Олег неприязненно проводил их глазами.

– Бегут, народные служки... Ты только глянь, на какие тачки себе наворовали...

– Увозят честно наворованное, – хохотнул Солохин. – А что ты хочешь, на Кубани испокон веков существуют добрые

традиции воровства и взяточничества. Нам с тобой до такого еще расти... Жалко, – вздохнул он с деланой печалью. – Жизнь проходит, а мы еще не замешаны ни в одном коррупционном скандале... Смотри, какая клубничка... – вдруг насторожился напарник, высунулся из окна и молодецки свистнул. От запертого магазинчика, расположенного под навесом, отделились две нескладные фигуры и засеменили к патрульной машине.

– Ночные бабочки, – объяснил Солохин. – Древнейшие профессионалки. Гулька и Дуська. Всегда при деле – забот полон рот, гы-гы... Надо же, такое творится, а бабенки на посту, никакая буза их не берет.

– Скорее, древние, а не древнейшие, – проворчал Соболевский, когда местные путаны возникли в свете фар. – Ничего себе бабочки – покемоны какие-то...

– Ну не красавицы с подиума, да, – хихикнул Солохин. – Но бабенки веселые, сговорчивые, а главное, отзывчивые.

Он опустил стекло, и в салон всунулись две некрасивые физиономии – предельно заштукатуренные, с центнером тонального крема на двоих.

– Работаем, мальчики? – развязно поинтересовалась одна.

– Нет, Дуся, отдыхаем, – в том же духе отозвался Солохин. – Посмотри, какая лепота вокруг. Сейчас на море поедем.

– Может, отдохнете, парни? – неуверенно предложила вторая, поедая глазами мрачнейшего Олега. Смотреть на нее

не хотелось – тушь потекла, размазалась по щекам, а подруга тактично помалкивала, наивно полагая, что выглядит на фоне этого чудовища очень даже привлекательно. – А что, давайте? – настаивала путана. – Три минуты работы, шестьсот на двоих – сегодня скидки просто офигенные. Вы же на подвиг собрались, ребята, нет? Нужно расслабиться перед подвигом.

– Ты, Гулька, тут не каркай, – ворчал Солохин. – На подвиг, блин, собрались...

– На фиг идите, – процедил Олег и отвернулся. – Вы охренели, женщины. Бежали бы домой, скорб спасать – скоро тут такое начнется...

– Фи, какой грубый, – поморщилась Гулька. – Такой видный мужчина – и такой грубый.

– А нас не топит, – хихикнула Дуська. – Мы здесь, на Тургенева обретаемся. А что случится – бабуля наш скорб спасет.

Они зубоскалили дальше, Солохин принимал живое участие в беседе. А Олег терпеливо ждал, пока наполнится бензобак. Весьма некстати зазвонил телефон. Он раздраженно выхватил его в тот момент, когда напарник удачно пошутил, и путаны дружно заржали.

– Ничего себе, – изумилась в трубке Наталья. – Я слышу веселый женский смех. Вот бы мне такую работу. Ты чем занимаешься, дорогой? Ты уверен, что тебя вызвали именно на работу?

– Я работаю, Наташа, – мрачно отозвался Олег, зажимая трубку и показывая девицам кулак, что вызвало новую порцию веселья. – Нет, серьезно, это смеются посторонние лю... – и замолчал, хмуро уставился на трубку – Наталья злобно разъединилась.

– Весь мир сошел с ума... – речитативом пропел Солохин и выметнулся из машины, чтобы вытащить пистолет. – Ладно, девчата, брысь до хазы, некогда нам тут с вами...

– Да ладно тебе зубами скрипеть, – покосился он на товарища, когда машина вырулила с заправки, а расстроенные путаны убралась в тень. – У тебя, Олежка, девчонка хоть и стерва, но красивая. А я как Чебурашка, блин, с крокодилом живу – и то клубок нервов успела на душу намотать... Не бери в голову, приятель, – подуется, и все у вас наладится. Или нет... – хохотнул он.

Потеря времени бесила. Даже Солохину было не по себе, что так прокопались. Улица Тургенева обрывалась тупиком. Чертыхнувшись, Солохин развернул машину и вскоре, едва не утонув в грязи безымянного переулка, выворачивал на Камышовую, застроенную не самыми презентабельными строениями. Здесь вода стояла по колено. Бродили люди в болотных сапогах. Лысоватый местный житель, отшвырнув ногой поваленную ограду, бросился к машине, требовал объяснить, какого черта происходит, почему их никто не предупредил о наводнении?! Объяснений гражданин не дождался, да и вряд ли на них рассчитывал. Он матерился на уходящую

машину, грозил кулаком. Ехать дальше было невозможно. Вода прибывала, дорога скатывалась в низину. За кустами истерично голосила баба. Из низины пыталась вырваться машина. Она застряла, люди десантировались в воду, толкали ее. Надрывался двигатель, транспортное средство сантиметр за сантиметром выбиралось из западни.

– Я, конечно, дико извиняюсь, но что дальше? – растерянно бормотал Солохин. – Не проедем по Камышовой.

– Коньяк покупаем, – скрипнул зубами Олег. – А дальше импровизируем. Рули обратно. С Тургенева попадем на Березовую – она на холме. С Березовой на Ильича, с Ильича – на Лагерную. Глядишь, прорвемся.

– Чиканутый какой-то у тебя план... – усмехнулся Солохин, рывками выволакивая машину из воды.

В последующие минуты он просклонял все знакомые матерные слова, а уж подобных слов Гриша Солохин знал немало. Машину трясло, вода заливалась в салон. А когда «УАЗ» царапнул бортом скрывающуюся под водой бетонную плиту, матерились в два голоса! Обстановка на Березовой была терпимой. Жители толпились у заборов и испуганно перекликались. Зрела паника, никто не знал, что делать. У многих еще свежо было в памяти наводнение 2002 года, превратившее зажиточных горожан в нищих побирušек. Самые дальновидные грузили в машины ценные вещи, детей, пенсионеров. Кто-то кричал, что не может дозвониться до знакомых, живущих в южной части, – значит, там все пропало! За

Березовой оборвался асфальт, машина прыгала по колдобинам. Парника заклинило: он бубнил, что ему уже нвмготу, терзает предчувствия, толпы мурашек бегают по телу! Почему он не уехал на выходные из города, ведь предлагала подруга? Глупой заднице, видите ли, приключения подавай.

– Гриша, кончай нудеть, а? – попросил Олег. – И без тебя тошно.

– Не могу, Олежка, – бубнил Солохин. – Ей-богу, не могу. У меня эти самые, как их... морально-психологические трудности... Страх у меня перед большой водой, понимаешь? С детства боюсь глубины...

Частично по улице Ильича еще можно было проехать. Снова буксовали машины, орали люди. А вот на Лагерной стояла большая вода, затапливала подвалы, дома. И там истошно перекликались жители, надсадно гудели моторы. Приходилось выискивать объездные пути, терпеть матерные выкрики. Последняя яма на восточной околице – в салоне под ногами уже хлюпало. Объездную восточную дорогу пока не затопило – Гриша облегченно вздохнул, переключаясь на вторую передачу.

– Фу... – пробормотал он облегченно. – Кажется, пронесло... А то, понимаешь, – он нервно хихикнул, – затеял тут сделку с недвижимостью, вроде неплохой вариант проклевывается. Обидно будет, если не приму в ней участие...

– Балкон продаешь? – покосился на него Олег.

Солохин резко засмеялся.

– А что ты можешь еще продать? – резонно поинтересовался Соболевский. – На третьем этаже живешь.

– Вот эту хрущобу и продаю, – объяснил Григорий. – Танька идею подкинула. Мол, давай продадим квартиру, плюс мою халупу, а взамен неплохой домик с садом приобретем. Уже и вариант подобрали – на Зыряновской. Домик, правда, так себе, шестьдесят метров общей площади, зато участок шесть соток; и для гаража место есть, и для баньки, и для бассейна. Хозяева не против, документы уже вертятся. Там очень неплохо, чайки за домом кричат... на помойке.

– Зыряновскую мы проехали, – напомнил Олег. – Топит ее сегодня, Гриша, топит. Хрень от садика останется, и подвал наверняка сгниет. Поспешил ты, однако.

– Вот черт... – вздрогнул напарник. – А я ведь не подумал... Может, обойдется, а, Олежка? – он с надеждой глянул на коллегу.

В первом часу пополудни патруль ГИБДД окольными дорогами подъехал к мосту. Под насыпью федеральной трассы стояла вода. Она была везде, куда упирался взгляд! «УАЗ» заехал на трассу с примыкающей дороги – высота насыпи в этом месте была небольшой. Дистанция до моста – метров сто пятьдесят. Обстановка критическая – хватило пары минут, чтобы ее оценить. Вода действительно переливалась через дорогу, устремлялась дальше – к городу. Местечко унылое – горы перед выходом на равнину образуют узкую горловину, по этой впадине и несется поток, разлива-

ясь по полям... Олег оставил машину с напарником на обочине, сам припустил на восток, извлекая фонарь. Но пробежал лишь метров пятьдесят, поскользнулся, едва не нырнул с головой. На востоке действительно разливалось море! Вода стояла везде, где он светил фонарем, мерно вздымающаяся, изобилующая ветками и мусором. Он застыл, выставив носок на грань воды и суши, смотрел, не поднимается ли уровень. Воды становилось больше, но росла она не такими уж катастрофическими темпами. Какое-то время в запасе есть. Он чертыхнулся – мимо него на восток пронеслась фура. Колеса почти скрылись в воде. Куда ее несет? Поплывет же к чертовой матери! Он припустил обратно.

– Давай за мост, на левый берег, перегороди дорогу, – выплюнул он. Садиться в машину он не стал, побежал к мосту.

Местность в тех краях была повыше. Гриша крепко вцепился в баранку, тащился с черепашьей скоростью. И это правильно: занесет – потом не выберешься. Олег уже приплясывал на мосту, провожая глазами напарника, слава богу, проехал... Обстановка на виадуке и в его окрестностях вызвала к немедленному бегству. Вода была повсюду, над ней лишь тонким выступом возвышался участок федеральной трассы, связующий города «курортного значения» с континентальными районами Кубани. На шоссе блестела водная пленка толщиной не меньше трех сантиметров. Вода в Аргадуме поднялась критически, местами выходила из берегов, устремлялась в поля. До южных предместий Таманска здесь

было не больше версты. Между колоннами моста уже формировалась запруда из мусора! Поток не мог ее пробить, шел верхом. Холодные брызги летели в лицо. Вода была почти рядом – страшная, стремительная, смертельно опасная...

Он снова вздрогнул – возвращалась фура, завывая звуковым сигналом. Ну, слава богу, хватило мозгов не пускаться в плавание! А Гриша Солохин уже поставил машину поперек трассы. Водитель фуры отчаянно тормозил, грузовик шел юзом, вилял, гремел бортами! Соболевский ахнул, отпрянув от ограждения: он видел, как перепуганный Солохин вываливается из патрульки, отчаянно жестикулируя. Столкновения избежали, не таким уж бездарем оказался водитель фуры. Оба жутко ругались, перекрывая рев половодья. Потом Солохин сдал назад, и грузовик, негодуяще рыча, ушел на запад. А там, где во мраке таяли габаритные огни, уже блестели фары – приближалась машина. Капитан Бутырин оказался прав: отчаянных и неинформированных в этой местности хватало. Соболевский припустил к машине, размахивая фонарем.

– Гриша, двигатель не выключай, фары на полную! Загороди дорогу, не хрен тут ездить!

Только прибыли – была лишь одинокая фура, а потом как прорвало! Тормозили легковушки, грузовые машины. Надрывались «крякалки» и «оралки», ругались люди. Почему их не пускают?! Им срочно надо проехать!!! Произвол, где полиция, где хваленое МЧС?! Доколе в этой стране о простого

человека будут вытирать ноги?! Семья из четырех человек на «Фокусе» едва не прорвалась! В салоне, кроме негодующего мужа, сидели истеричная жена и двое мелких детишек, ревуших благим ревом. Мужчина надрывно доказывал, что им срочно надо в Журавли, звонила его мать, ее дом уже топит, женщина сидит на крыше, ждет помощи и горько плачет. Внушить простую истину, что через двести метров все четверо пойдут ко дну, было невозможно. Вся компания орала и испускала негативные вибрации. Потом мужчина прыгнул в машину и направил ее в узкую щель между патрульным «УАЗом» и затопленной обочиной. Взбешенный Солохин выволок бестолкового главу семейства из машины, дотянулся до ручника.

– Ты что творишь, горе тупое?! – у Олега лопнуло терпение, он чуть не треснул водителя по репе. – Мозги в комплектацию не входят?! Себя не жалко, так хоть жену с детьми пожалей! Потонешь, говорю, там море, проезда нет! Там люди гибнут! Возвращайтесь назад – до развилки на Каменку, объезжайте Таманск с севера по 53-му шоссе! А лучше не искушайте судьбу, отсидитесь в городе, пока не утихнет! Разворачивай машину, говорю!

Ширины проезжей части хватало, чтобы развернуться и укатить восвояси. Нервы сдавали, мужик матерился при жене и детях, но, кажется, проняло – пошел на разворот. Но призывно гудели за ним, всем нужно было на восток, всех ждали, у всех были срочные дела! Метался между машина-

ми Солохин, орал, срывая голос, чтобы не занимали встречную полосу. «Граждане, проезд закрыт!» – надрывался Олег, обливаясь потом и размахивая жезлом. – «Деньги не принимаются! Если есть самоубийцы, то пожалуйста! Но прежде высадите женщин и детей, а потом вперед – на тот свет!» Дышать было трудно, вспотела спина под мундиром и плащом, отчаянно чесалась. Были и догадливые – послушно разворачивались, уезжали. Но большинству нужно было обязательно покачать права, в общении с ними чесались кулаки. Компания в микроавтобусе с номерами столичного региона не понимала элементарных слов. Они не верили в отсутствие проезда, и эту веру усердно подкрепляла выпитая доза алкоголя. Они должны бежать из этого ада! Они не помирать сюда приехали! Они умрут, но не вернутся! Приходилось объяснять доступным русским языком, хватаясь для убедительности за кобуру. С великим трудом элементарные истины вбивались в недоступные головы.

– Понаехали тут москвичи... – неприязненно брюзжал Солохин, провожая глазами уносящийся минивэн.

И вновь приходилось надирать осипшие глотки, доказывая тупоголовым, что нужно валить отсюда к чертовой матери! Если вода разольется на западе – а она непременно это сделает – то все скопившиеся у моста транспортные средства окажутся в западне, и тогда наступит полный кирдык!

– Олечка, я уже не могу... – стонал загнанный Солохин. – Я рыба в собственном соку... А вторая молодость никак не

приходит... Ты не задумывался, приятель, нет? Они же все разъедутся, а мы останемся, догоняешь? И тогда мы точно окажемся в западне, и будет нам полный кирдык. Наш «уазик» плавать не умеет, он не амфибия, понимаешь?

Не хотелось думать о чем-то грустном. Странно бы это выглядело – сесть в машину и уехать, отправив на верную смерть все это безголовое стадо. Что бы ни думали люди о «воинствующем» племени дорожных инспекторов, а у отдельных из них еще имеются представления о служебном долге.

– Гриша, садись в машину, отдохни... – хрипел Олег. – Я сам тут разрулю. Сменишь минут через пятнадцать, я тоже передохну.

Но не сиделось Григорию в машине. Перекурил и выскочил, когда над напарником зависли трое кавказцев из черного внедорожника, презрительно относящиеся к смерти, но очень ответственно – к своему гибнущему бизнесу. Они уже давили, наезжали, готовы были выхватить ножи. Какое право этот мент имеет их не пропускать?! Кто он такой? Представитель власти? Какой еще, на хрен, власти?! Олег бы плюнул на них с глубоким удовольствием, пусть катятся в свой симпатичный мусульманский рай, но в громадном внедорожнике на заднем сиденье голосили женщины! Разъяренный Солохин пальнул в воздух, и группа brutальных «мачо» схлынула, подобрела. Развернулся внедорожник, повернул идущий за ними пикап с турками-месхетинцами, в котором кис-

ли под дождем стройматериалы.

– Хозяева жизни, блин, – сплюнул под ноги Солохин, обрисовывая кавказцам дорогу средним пальцем. – Раньше были новые русские, теперь – новые не-русские...

– Молодец, – удивленно заметил Соболевский, потирая отбитое плечо. – Однако больше не пали, тут публика и так на взводе. Замаемся отстреливаться.

Вскоре рассосалась «стихийная» пробка, и Олег бросился с фонарем к мосту. Вода была совсем под носом – бурлил грязный поток. Росла запруда, из нее периодически выстреливали корявые деревья, обломки заборов и столбов. Жирные мурашки ползли по коже. Он бросился обратно – как раз к началу нового паломничества! Снова у патрульного «УА-За» выстраивалась вереница желающих прорваться. Кто-то сразу поворачивал, уезжал, понимая, что ловить здесь нечего, кто-то бился в истерике, грозился санкциями.

– Я бывший депутат Госдумы! – гремел седовласый мужчина, благоухающий парами алкоголя. – Немедленно пропустить! Кто дал вам право меня задерживать?! Мне срочно нужно в Геленджик! У меня там дом тонет! У меня весь участок в воде!

– Да мне плевать, господин хороший, – рычал в ответ Олег, – бывший ты депутат Госдумы, действующий или собираешься им стать! Катись отсюда к чертовой матери, пока живой! А то некому будет оплакивать затонувший дом и строить новый!

– Дом и без тебя утонет, – хмыкал Солохин в рукав.

Мужчина ревел, хватался за голову, совал Олегу какие-то корочки, в которые не было никакого желания заглядывать. Чем он лучше прочих? Без очереди в рай? Господин запрыгнул в свой навороченный седан и умчался прочь искать обходные пути, зацепив вылезшую из ряда машину. При этом он орал, что просто так это дело не оставит, он дойдет до самых высших инстанций!

– Нищета позорная, – гримасничал ему вслед приободрившийся Григорий. – Пода-айте бывшему депутату Государственной Думы...

Ошалевшая «классическая» блондинка, путешествующая в одиночку, тупо давила на клаксон – девушка окончательно рассорилась с головой. Испуганно смотрела на взбешенного гаишника в обтекающем плаще, жалобно хлопала глазами и давила, давила... Он деликатно убрал ее руку с руля.

– Барышня, прекращайте, что вы творите?

– О боже, простите меня... – она дрожала от страха, голосок срывался. – Простите, пожалуйста, у меня сегодня голова – ну, такая дура... Почему я не могу проехать?

– Потому что вы утонете. Разворачивайтесь. Не можете сами – пустите меня за руль. Давайте помогу – здесь очень скользко, машину может занести.

– Правда? – ее зубы выводили маршевую дробь, она произвольно хваталась за руль. – Но почему? Это неправда... Мой навигатор говорит, что впереди все хорошо, я при-

выкла ему доверять, он никогда не обманывает...

— Почему нас не пускают? — надрывался ухоженный молодой человек. Он на глазах превращался в мокрого цыпленка, пытался смастерить строгое лицо, щурился от света, яростно сжимал выбеленные зубы. — Солнышко, подожди, — наклонялся он к окну своей машины. — Не лезь, я сам разберусь, все будет в порядке...

Молодой человек был настырен, махал руками, надувал щеки. Да, он согласен, что для путешествия не самое удобное время, но так сложилось, им с «солнышком» очень надо проехать! Из салона что-то бубнили. Солохин отодвинул молодого человека, нагнулся, чтобы рассмотреть пассажирку, а когда распрямился, челюсть у него висела почти до земли. Ну, смех и грех...

— А ну пошли вон! — взревел он, и перепуганный молодой человек шмыгнул в машину, начал суетливо разворачиваться.

— Что, Гриша, не гений чистой красоты? — усмехнулся Олег.

— Тогда уж гей чистой красоты, — проворчал напарник и вдруг принялся истерично ржать, глядя, как машину с «неправильно ориентированными» носит по дороге. Она с трудом держалась на скользкой полосе, зацепила идущий на маневр «Рено».

— Ну не могу... — истерично вздрагивал Солохин. — Ты бы видел эту рожу... Они же голубые, как мои застиранные

джинсы... Смотри, смотри, как он ему забил, а говорят, что гей не играет в хоккей...

– Григорий, прекращай... – хрипел Олег. Он сам икал от смеха. – Досмеемся когда-нибудь, не к добру это...

Рассосалось движение – передышка. Часы показывали без малого час ночи. Дождь хлестал, вода переливалась через шоссе уже накатами, практически волной. Но шоссе еще не провалилось. «Черт, черт, – нервно подпрыгивал в салоне Григорий. – Олежка, еще немного, и мы не выберемся, давай валить, пока есть возможность... Свяжись с Бутыриным, объясни, что ситуация выходит из-под контроля, чего ты такой упертый? Боже правый, почему я не уехал сегодня из города? Все умные люди давно разъехались!» Движение на дороге шло на спад. Число желающих кануть в вечность резко сокращалось. Подъехали старенькие «Жигули» с двумя мужиками средних лет. Граждане тряслись от страха, плохо ориентировались в ситуации. «Дайте нам проехать! – орали они. – Мы кое-как прорвались через развилку у Каменской, там все затоплено!» Олег орал, чтобы уматывали на фиг на своей колымаге, на востоке еще хуже! Последние искры разума в замороженных головах еще не погасли. Но над водителем мастерством этой парочке стоило потрудиться. Водитель неловко разворачивал изделие отечественного автопрома. «Жигули» уже вывернули на нужную полосу, водитель упустил момент, чтобы выкрутить баранку, или очень резко это сделал – заднее левое колесо оказалось в канаве

водостока, погрузилось в воду, машина накренилась! Перепуганный водитель отчаянно газовал. Машина с передним приводом смогла бы выбраться, но левое колесо вхолостую прокручивалось в воде, а вращение правого лишь увеличило крен. «Жигули» падали в воду левым бортом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.